

Проблемы и противоречия русского православного государства

© С.Г. Галаганова

МГТУ имени Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Рассмотрена концепция русского православного государства — одного из активно выдвигаемых сегодня проектов оптимизации российского государственного устройства. Проанализировано содержание данной теоретической модели в контексте современного российского экономического уклада и глобальной социальной динамики, сделан вывод о наличии внутрисистемных и межсистемных противоречий антагонистического характера. Чрезвычайно актуальными для понимания исследуемой проблемы являются, по мнению автора, пророческие мысли К.Н. Леонтьева о феномене русского этнического национализма как одной из технологий утверждения глобальной космополитической власти.

Ключевые слова: *русское государство, православное государство, российское национальное государство, гражданский (политический) национализм, этнический национализм.*

Чем более очевидной становится исчерпанность в современной России компрадорско-олигархического социального проекта (псевдолиберального и псевдорыночного), тем более активизируется обсуждение альтернативных моделей жизнеустройства российского социума. При этом участники научных и публицистических дискуссий все чаще оперируют понятиями, связанными с этническими и духовными аспектами обсуждаемой проблемы. Национальное государство, русская империя, демократия с христианским лицом, новая Византия — подобные словосочетания сегодня стали частыми спутниками поиска адекватной парадигмы будущего развития страны [1]. На их весьма противоречивое содержание и обратим внимание.

Еще в 1970–1980-е годы идея русского государства стала неотъемлемой частью идеологии русского национализма, самого странного (на фоне тысячелетней истории России и ее духовной традиции) и самого трагичного (по своим реальным и потенциальным последствиям) из всех советских и постсоветских этнических национализмов. Как и все его аналоги, русский национализм возник не в народе, а в среде немногочисленных представителей национального культурного слоя, озаботившихся «нерусскостью» советской власти, которая якобы подавляла «русский дух». Сегодня эти уже ставшие историей события и процессы рассматриваются исследователями в основном в рамках темы «Гуманитарные технологии» как одна из блестяще проведенных долговременных спецопераций по демонтажу «красной империи» и имперского сознания ее многонационального

народа [2, гл. 6; 3]. Для нашей темы в данном случае важен лишь один тезис, с энтузиазмом воспринятый частью интеллигенции: советское не есть русское (равно, как и чеченское, грузинское, еврейское и т. д.); став советскими, народы нашей страны утратили свою этническую идентичность, восстановить которую возможно лишь в условиях «своих», национальных (этнических) государств.

Этнический национализм, как и его антипод — национализм полиэтнический, гражданский, — дитя буржуазных революций и порожденного ими капиталистического уклада. Он явился на свет в качестве защитной реакции народов, попавших под каток буржуазной экономической эксплуатации, социального бесправия и культурной ассимиляции. С тех пор идейной пищей этнического национализма являются образы этнического врага, коллективная память о причиненном (и причиняемом) зле и призывы к объединению на основе «почвы и крови» (а следовательно, отделения от «чужих»). Что касается национализма гражданского, то он стал мировоззренческой основой формирования nation-states — независимых буржуазных государств, объединивших на своих территориях различные народы (один из которых, как правило, играл роль государствообразующего этнического ядра) — в новые большие полиэтнические нации (которые стали именовать политическими, или гражданскими). Гражданский национализм всегда конструктивен и оттого центрирован: он объединяет этносы на основе общих идей и перспективных проектов, будь то «Великая Британия», «Прекрасная Франция» или американская «Земля свободных людей».

В русской социальной философии проблема двух национализмов была впервые глубоко проанализирована К.Н. Леонтьевым. Задолго до эпохи глобализации он увидел в буржуазном всесмешении этносов угрозу «цветущей сложности» культуры и социума. Но еще более прозорливым оказалось проникновение русского мыслителя в сущность этнических национализмов как низшей, наиболее примитивной формы проявления самосознания народа, не доросшего до уровня развитой национальной культуры [4]. Неспособный к выдвиганию конструктивного общенародного проекта, «племенной» национализм обычно прикрывает свою духовную и культурную ущербность агрессивной риторикой об униженном великом народе и призывами к национальному возрождению (не выходящему за рамки фольклорных форм устройства быта). Творцам нового мирового порядка такие национализмы не опасны; напротив, в соответствии с классическим принципом «разделяй и властвуй» они целенаправленно провоцируются сегодня при помощи изощренных гуманитарных технологий (что мы видели в процессе разрушения СССР и продолжаем наблюдать по сей день).

Не будет представлять опасности для всемирного правящего класса и его полномочных представителей в России и русское национальное государство (как и любое другое этническое государственное образование). С этим сегодня согласны все ведущие геополитики от А. де Бенуа до А. Дугина, считающие, что сохранить реальную независимость, в том числе и духовно-культурную, в эпоху глобализации могут лишь «новые империи» — импероподобные общности народов, объединенных на регионально-цивилизационной основе [5].

К.Н. Леонтьев считал имперскую стадию развития этноса высшей (наиболее сложной и развитой) формой этнической самоидентификации. Разумеется, понятие империи употреблялось им не как синоним государства-метрополии с колониальными владениями, а в качестве названия одной из форм унитарного национально-государственного устройства, объединяющей многочисленные гетерогенные этносоциальные и административно-территориальные образования на обширном («имперском») пространстве. Империя предполагает не «плавильные котлы» буржуазной ассимиляции, а относительно компактное проживание различных этносов на своих исторических территориях и сохранение ими своей самобытности. Правда, в отличие от современных геополитиков, К.Н. Леонтьев смотрел не «вперед», а «назад», в сторону православной Византийской империи. Отсюда используемое им понятие «византизм», употребляемое как синоним имперского духа, имперского формата национального развития. «Имперское» не значит «вненациональное»; это значит «сверхнациональное»: все этносы (и совсем малочисленные, и имперообразующие), в полной мере сохраняя свою «племенную» самобытность, в то же время поднимаются над ней, выходя на новый, более высокий уровень национального бытия.

Империи, конечно, не возникают на пустом месте — они создаются нациями, достигшими духовной зрелости («величия»), способными предложить народам высокую национальную идею — источник для утоления «духовной жажды» всеми этносами (причем не только данной страны). У Московской Руси такой идеей было православие как единственно истинная вера — не наша, русская, национальная, а всемирная, вселенская, открывающая возможность духовного преображения («спасения») для всех людей на планете. Христианство — религия имперская: оно родилось в империи (Римской), сохранялось и развивалось в империи (Византийской). Московская Русь тоже интуитивно шла к имперскому государственному устройению как наиболее органичной форме земного воплощения своего планетарного христианского духа. Да она, по сути, и была империей — со времен Ивана Грозного, еще не ведая о Петре Великом. Синонимом Святой Руси стало и родившееся в монастырской келье понятие Тре-

тий Рим, не имевшее никакого иного значения, кроме вселенской миссии сохранения и укрепления православной веры, организации жизни всех племен на основе евангельских заповедей.

«Подслушанные у истории» (выражение К.Н. Леонтьева) мысли, способные стать ключом ко многим «противоречиям» современного мира, были озвучены автором в последней трети XIX в., когда уже можно было наблюдать и анализировать не только политические проявления этнического национализма в форме национально-освободительных движений и революций, но и их реальные плоды. Последние озадачивали современников своей парадоксальностью: разьединительно-обособленческая устремленность этносов (итальянцев и греков, сербов и болгар, валахских румын и молдаван) по прошествии недолгого времени оборачивалась тенденцией к их духовному упрощению и постепенному смешению «в общем типе прогрессивно-европейского мещанства» (так называл К.Н. Леонтьев буржуазные стандарты).

Русский мыслитель стал первым исследователем, усмотревшим в этом закономерность. Обстоятельно исследовать ее глубинные механизмы он не успел, однако собранный богатейший фактический материал (в том числе во время дипломатической работы в Греции и Турции) позволил сделать главный, весьма нелицеприятный вывод: «Движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространение космополитической демократизации» [6, с. 185]. В переводе на язык политических реалий XXI в. этот вывод мог бы звучать так: национализм есть идейное оружие этнически разнообразных космополитических мафий, одна из гуманитарных технологий, позволяющая успешно скрывать «кровное» финансово-экономическое и духовное родство буржуазных национально-патриотических элит с глобальным субъектом мировой политики.

Еще в 1880 (!) г. К.Н. Леонтьев был склонен полагать, что все этнические национализмы неизбежно становятся «строительным материалом» для космополитического «смешанного и однообразного всемирного государства», работая на интересы «прогрессивных могильщиков» самобытных и суверенных народов. «Почему это так, не берусь еще сообразить, — откровенно признается К.Н. Леонтьев в письме одному из своих постоянных корреспондентов. — Для меня самого это остается самой таинственной психологической загадкой, которую разрешат только время и упорная, свежая мысль» [6, с. 185]. Последняя не замедлила явиться в лице Г.В. Бутми, А.Д. Нечволодова, С.Ф. Шарапова и других дореволюционных русских исследователей, обнаруживших причины «разрушительно-космополитического значения тех движений, которые зовутся национальными» [6, с. 182], в сфере экономики. Объектом научного анализа в данном случае ста-

ла не психология, а окончательно сформировавшаяся к концу позапрошлого века на Западе ростовщическая цивилизация, получившая условное название «капитализм». В XX в. ее плодотворно изучали за рубежом — в частности, Э. Саттон (США) [7], Э. Шелдон (США) [8], М. Роуботем (Великобритания) [9], С. Гезель (Германия) [10], А. Бенсон (Швеция) [11]. Но наиболее капитальный труд был опубликован в 2013 г. на родине К.Н. Леонтьева: российский ученый, доктор экономических наук В. Катасонов не только всесторонне исследовал историю и сущность ростовщической банковской экономики, показав ее деструктивный характер, но и предложил более точный и понятный термин для обозначения основанного на ней общества — «денежная цивилизация» [12].

Эта цивилизация не менее религиозна, чем традиционные социумы; у нее тоже есть своя религия — религия денег, есть свое божество, названное в Евангелии «мамоной», есть свой религиозный культ — культ «любостяжания», обогащения, наживы. Порожденные ее экономикой отношения всеобщей купли-продажи обращают некогда разные, уникальные культурно-исторические типы в единообразные сообщества идолопоклонников — служителей «золотого тельца», сохраняющих, впрочем, при этом свои традиционные религиозные и этнические «одежды». Яркость и экзотичность этих «одежд» нисколько не мешает «менялам» (название одного из романов А. Хейли) пропитывать христианские, мусульманские и иные «духовно-самобытные» социумы духом торгашества, своекорыстия, меркантилизма. Напротив: усиленное акцентирование внешней самобытности способствует как удовлетворению патриотических чувств народов, так и искусственному разжиганию (в случае необходимости) религиозно-этнических конфликтов.

Денежной цивилизацией правят не «помазанники Божии» и не «слуги народа», а люди, наиболее преуспевшие в искусстве извлечения личной выгоды. Они не способны стать творцами национальных культур, ибо их собственная национальность «есть национальность торгаша» (К. Маркс). Такой личностью может стать любой человек, вне зависимости от его происхождения. Ростовщичество космополитично по своей природе (как космополитичны и сами деньги). Столь же космополитична денежная власть (гротескные формы этого космополитизма мы наблюдаем сегодня на Украине).

Что же касается подлинно национальных культур, то они разрушаются по мере превращения в товар веры, семьи, человеческих чувств, отбрасывания незыблемых некогда принципов и табу, обесценивания традиционных ценностей. Массовая протестная акция граждан Франции и других христианских стран в январе 2015 г. под лозунгом «Я — Шарли» свидетельствует о полном исчезновении из массового сознания западноевропейских христиан понятий «святы-

ня», «кошунство», «святотатство» (их место заняли правовые нормы). Национальные культуры денежной цивилизации не нужны — ей необходим унифицированный безнациональный «человек». Распространяя мифы о якобы усложняющейся реальности, денежная цивилизация перетирает эту реальность в пыль, где пылинки, при всем их болезненном самомнении, духовно неотличимы одна от другой.

Сегодня стало очевидно, что ужасавшая К.Н. Леонтьева массовая умственная, культурная и нравственная деградация духовно обуржуазившегося «среднеевропейца» является не только результатом, но и важнейшим условием существования глобального класса банкиров. Впрочем, повсеместно наблюдаемое в «независимых» и «самобытных» странах засилье голливудских фильмов, внедрение единых стандартов моды, поведения, образа жизни представляет собой лишь субъективную сторону этого процесса. Дело в том, что стяжательство само по себе блокирует творческие возможности личности (подменяя их проницательно-изобретательной креативностью). И если «делатели денег» начинают задавать тон в обществе, это блокирует и национальное творчество народа в целом (подменяя подлинную национальную культуру пошлым фольклорным театром).

Оборотной стороной идеи русского государства является идея православного государства с особым местом и ролью Русской православной церкви (РПЦ). В связи с этим обсуждению подлежат такие вопросы, как востребованность данного проекта (властью, обществом, самой церковью), его взаимоотношения с иными культурами и конфессиями, его способность органично встроить христианские нормы и ценности в общенародный (нерелигиозный) идеал.

Очевидно, что классические формы церковно-государственных отношений (византийская «симфония властей», придание православию статуса государственной религии) не соответствуют реалиям современной России, весьма далекой от православного жизнеустройства. Нельзя не учитывать и то, что вот уже четверть века РПЦ открыто благословляет утвердившийся в стране явно нехристианский общественный уклад и регулярно проклинает с амвонов советское «безбожное лихолетье» с его общинно-нестяжательскими, евангельскими по сути своей нормами жизни. В этой ситуации тотальная экспансия церкви в российские государственные институты (прежде всего школу и армию) и клерикализация общественной жизни вызывают естественное массовое отторжение. Однако вряд ли устроит нас сегодня и советский вариант полного отстранения церкви от участия в жизни народа как не отвечающий тому масштабному комплексу задач, которые церковь и общество могут и должны решать вместе. Гораздо более плодотворным может стать участие РПЦ в формировании духовного идеала полиэтнического и поликонфессионального Российского государства.

Последнее предполагает выделение некоей мировоззренческой доминанты, признанной обществом в качестве высшего смысла общественного бытия, основополагающей идеи, пронизывающей все сферы жизнедеятельности социума, определяющей его самосознание. Понятно, что в самой православии, как и в любой другой религии, эта доминанта носит чисто религиозный характер, что исключает ее общенациональное бытие. И тем не менее выход есть: на наш взгляд, он состоит в идеологическом самоопределении светского по форме российского общественного сознания относительно фундаментальных духовно-нравственных христианских ориентиров. Проблема полиэтничности и поликонфессиональности России изначально снимается здесь принципиальной общностью этих ориентиров для всех наших традиционных религий. Именно в этом духовно-интегрирующем смысле и могли бы быть декларированы христианские основы российской идеологии. Подобная перспектива не ущемит и права атеистов, поскольку идеология — атрибут светского общества: в отличие от государственной религии ее «исповедание» не является обязательным и допускает полную духовную свободу.

Однако следует иметь в виду, что система православных социальных норм и ценностей (ядром которой являются идеи социальной справедливости, равенства, солидарности) вступит в неизбежное противоречие с несправедливым, антиправославным социально-экономическим укладом российского социума, позволяющим незначительному меньшинству населения беспощадно подавлять и отсекалть от культуры (да и от самой жизни) абсолютное большинство народа. Следовательно, как и в случае с русским государством, проект внедрения в общественное сознание православной национальной идеи потребует изменения вектора экономического развития, коренной перестройки самой модели жизнеустройства. От разрешения этого противоречия в немалой степени зависит, на наш взгляд, будущее российской государственности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Власова О. Будем ли мы строить нацию? *Эксперт*, 2013, № 21. URL: <http://expert.ru/expert/2013/21/budem-li-myi-stroit-natsiyu/> (дата обращения 15.06.2016).
- [2] Кара-Мурза С.Г. *Угрозы России*. Москва, Алгоритм, 2012, 592 с.
- [3] Кара-Мурза С.Г. *Демонтаж народа*. Москва, Алгоритм, 2015, 704 с.
- [4] Леонтьев К.Н. *Восток, Россия и славянство*. Москва, Республика, 1996, 800 с.
- [5] Дугин А. *Четвертая политическая теория*. Москва, Арктос Медиа, 2014, 352 с.
- [6] Леонтьев К.Н. *Цветущая сложность*. Москва, Молодая гвардия, 1992, 320 с.
- [7] Саттон Э. *Власть доллара*. Москва, Фери-В, 2003, 192 с.
- [8] Sheldon E. *Billions for the Bankers, Debts for the People*. New York, Kelly Publishers, 1968, 20 p.

- [9] Rowbotham M. *The Grip of Death. A Study of Modern Money*. Charlbury, Carpenter Publishers, 1998, 384 p.
- [10] Gesell S. *The Natural Economic Order*. London, Peter Owen, 1958, 208 p.
- [11] Benson I. *This Age of Conflict*. Washington, The Barnes Review, 1988, 46 p.
- [12] Катасонов В. *Капитализм: история и идеология «денежной цивилизации»*. Москва, ИРИЦ, 2013, 1120 с.

Статья поступила в редакцию 08.06.2016

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Галаганова С.Г. Проблемы и противоречия русского православного государства. *Гуманитарный вестник*, 2016, вып. 6.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2016-06-365>

Галаганова Светлана Георгиевна — канд. филос. наук, доцент кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» МГТУ им. Н.Э. Баумана. Область научных интересов: проблемы культуры, идеологии, социальной психологии. e-mail: 23_polecat@mail.ru

Problems and contradictions of the Russian Orthodox State

© S.G. Galaganova

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The article deals with the concept of the "Russian Orthodox State", one of the actively promoted projects dedicated to optimising the state structure of Russia. By analysing the content of this theoretical model in the context of contemporary Russian economic structure and global social dynamics, the author arrives at the conclusion that there exist intrasystemic and intersystemic contradictions of the antagonistic kind. The author believes that the prophetic ideas of K.N. Leontyev about the phenomenon of ethnic Russian nationalism as one of the technologies of asserting global cosmopolitan domination are central to understanding the problem under consideration.

Keywords: Russian state, Orthodox state, Russian national state, civic (liberal) nationalism, ethnic nationalism.

REFERENCES

- [1] Vlasova O. *Ekspert – Expert*, 2013, no. 21. Available at: <http://expert.ru/expert/2013/21/budem-li-myi-stroit-natsiyu/> (accessed 15 June 2016).
- [2] Kara-Murza S.G. *Ugrozy Rossii* [Threats to Russia]. Moscow, Algoritm Publ., 2012, 592 p.
- [3] Kara-Murza S.G. *Demontazh naroda* [The dismantlement of the people]. Moscow, Algoritm Publ., 2015, 704 p.
- [4] Leontyev K.N. *Vostok, Rossiya i slavyanstvo* [The East, Russia and Slavdom]. Moscow, Respublika Publ., 1996, 800 p.
- [5] Dugin A. *Chetvertaya politicheskaya teoriya* [Fourth political theory]. Moscow, Arktos Media Publ., 2014, 352 p.
- [6] Leontyev K.N. *Tsvetushchaya slozhnost* [Blooming complexity]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1992320 p.
- [7] Sutton A. C. *The Federal Reserve Conspiracy*. CPA Book Publisher, 1995, 115 p. [In Russ.: Sutton A. C. *Vlast dollara*. Moscow, FERI-V Publ., 2003, 192 p.].
- [8] Sheldon E. *Billions for the Bankers, Debts for the People*. New York, Kelly Publishers, 1968, 20 p.
- [9] Rowbotham M. *The Grip of Death. A Study of Modern Money*. Charlbury, Carpenter Publishers, 1998, 384 p.
- [10] Gesell S. *The Natural Economic Order*. London, Peter Owen, 1958, 208 p.
- [11] Benson I. *This Age of Conflict*. Washington, The Barnies Rewiew, 1988, 46 p.
- [12] Katasonov V. *Kapitalizm: istoriya i ideologiya «denezhnoy tsivilizatsii»* [Capitalism: the history and ideology of the "monetary civilization"]. Moscow, IRTs Publ., 2013, 1120 p.

Galaganova S.G., Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Professor, Department of Information Analytics and Political Technologies, Bauman Moscow State Technical University. Specializes in problems of culture, ideology, social psychology.
e-mail: 23_polecat@mail.ru